

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Война... Одно время некоторым из Кирин-Тора, конклава магов, правившего небольшим государством под названием Даларан, казалось, будто мир никогда не знал иной жизни, кроме нескончаемого кровопролития. Вначале, до заключения Лордеронского Альянса проблемой были тролли, а когда род людской, наконец-то, сумел совладать с этой гнусной напастью, из жуткой бреши в самой ткани мироздания на земли людей хлынула первая волна орочьих войск. Поначалу казалось, что этих жутких завоевателей не остановить никому, но мало-помалу чудовищная резня переросла в томительно затяжное, вялотекущее противоборство. Битвы выигрывались измором. Многие сотни гибли с обеих сторон, и все — словно бы напрасно. Так год шел за годом, а Кирин-Тор не видел этой войне конца.

Но вот, наконец-то, положение изменилось. Потеснив Орду, Альянс с течением времени сумел и разгромить врага наголову. Даже великий орочий вождь, легендарный Оргрим Молот Рока, оказался не в силах остановить наступающих, и в итоге капитулировал. Уцелевших завоевателей, за исключением парочки кланов, отколовшихся от остальных, согна-

ли в особые поселения, под надежную охрану военных отрядов, возглавляемых лично членами ордена Рыцарей Серебряной Длани. Впервые за многие-многие годы долговечный мир начал выглядеть чем-то вполне достижимым, а не пустопорожней мечтой.

И все же... и все же управлявший Кирин-Тором совет не покидала тревога. Оттого-то высшие из высших и собрались в Воздушной Палате, называемой так потому, что выглядела она, будто зал без стен — одно только непрестанно меняющее облик небо, клубящиеся облака, да быстрое, точно здесь ускоряло свой бег само время, коловращение света и тьмы за спинами мастеров волшебства. Твердым и незыблемым казался лишь серый каменный пол, украшенный ромбовидным символом единства четырех стихий.

Незыблемыми здесь не выглядели даже сами волшебники. Облаченные в темные плащи, скрывавшие не только фигуру, но и лицо, и словно бы рябившие в воздухе в такт, в унисон движению неба, они так же могли показаться со стороны не более чем иллюзией. Это были мужчины и женщины, но разглядеть, кто есть кто, представлялось возможным лишь когда кто-либо говорил: в такие минуты лицо оратора становилось отчасти, без особых подробностей, но все-таки различимым.

На этом собрании присутствовали шестеро — шестеро старейших, хоть и не обязательно самых талантливых. В предводители Кирин-Тора избирались обладатели ряда достоинств, и магия являлась лишь одним из них.

— В Каз Модане творится что-то неладное, — громогласно объявил первый, на миг явив взорам лицо, обрамленное бородой. Сквозь его тело неспешно струились, плыли мириады созвездий. — Невдалеке от пещер, либо в самих пещерах, занятых кланом Драконьей Пасти.

— Поведай лучше о чем-нибудь, нам еще неизвестном, — проскрежетала вторая, вероятно, женщина преклонных лет, однако по-прежнему сильная волей. Сквозь ткань ее клобука на мгновение блеснула луна. — Все знают: после того, как воины Молота Рока сложили оружие, а вождь их бесследно исчез, тамошние орки остались одними из немногих упорствующих.

Словами ее первый маг явно был не на шутку обижен, однако, храня спокойствие, отвечал:

— Что ж, ладно! Возможно, другая новость заинтересует тебя куда больше. По-моему, Смертокрыл снова взялся за старое.

Вот это привело в изумление всех магов до единого, не исключая и женщины преклонных лет. Ночь разом сменилась днем, однако никто из волшебников, давно привыкших к причудам Воздушной Палаты, даже глазом по этому поводу не моргнул. За плечами третьего, явно не поверившего словам первого, потянулись вдаль перистые облака.

— Смертокрыл мертв! — возразил этот третий, единственный, кто отличался от прочих хоть какой-то склонностью к полноте. — Смертокрыл рухнул в море после того, как этот самый совет вместе с сильнейшими нашими магами нанес ему смер-

тельный удар! Против такой силы не устоять ни одному дракону на свете, даже ему!

Некоторые согласно закивали, однако первый стоял на своем:

— Ну, а тело его куда подевалось? Смертокрыл — далеко не обычный дракон. Он представлял собою такую угрозу, в сравнении с коей Орда — детские шалости, еще до того, как гоблины укрепили его чешую пластинами адамантовой брони.

— Но чем ты можешь подтвердить, что он по-прежнему жив? — подала голос другая женщина, очевидно, пребывавшая в расцвете юности, не столь опытная, как прочие, однако достаточно могущественная, чтобы стать членом совета. — Чем?

— Хотя бы гибелью двоих красных драконов, двоих из потомства Алекстразы. Только их сородич, причем исполинских размеров, мог разорвать их на куски подобным образом.

— Но на свете есть и другие большие драконы!

Вокруг поднялась буря, засверкали молнии, однако потоки хлынувшего с неба ливня не коснулись ни членов совета, ни даже пола. В мгновение ока гроза миновала, над головами волшебников вновь ослепительно засияло солнце, но первый из Кирин-Тора не проявил к этому зрелищу ни малейшего интереса.

— Ты, очевидно, ни разу не видела Смертокрыла в деле, иначе подобного тебе и в голову бы не пришло.

— Может статься, ты прав, — вмешался в разговор пятый. Эльфийские черты его лица, мелькнув под опущенным капюшоном, исчезли из виду даже быстрее мимолетной грозы. — А если так, новость

твоя, действительно, немаловажна. Однако сейчас нам вряд ли стоит уделять ей внимание. Если Смертокрыл жив и ополчился на род сильнейшей из своих соперников, нам это только на пользу. В конце концов, Алекстраза — по-прежнему пленница клана Драконьей Пасти, а ее отпрыски уже который год помогают этим оркам сеять на землях Альянса смерть и разорение. Неужто мы все так скоро забыли о трагической гибели Третьей кул-тирасской флотилии? Подозреваю, лорд-адмирал Дэлин Праудмур не забудет ее никогда. В конце концов, нападение этих исполнинских алых чудовищ на Третью флотилию стоило ему жизни старшего сына, не говоря уж о командах шести огромных боевых кораблей. Если эта черная тварь действительно разорвала на куски двух красных драконов... да Праудмур его за такое только медалью пожалует!

С этим не стал спорить никто, даже первый из магов. Всесокрушающая атака драконов оставила от грозной Третьей флотилии лишь щепки да несколько обезображенных трупов среди волн. Однако лорд-адмирал Праудмур, нужно отдать ему должное, без колебаний распорядился построить новые боевые корабли взамен погибших и продолжил войну.

— Вдобавок, как я уже говорил, нам сейчас просто не до того. В сложившейся ситуации у нас хватает других, более неотложных дел.

— Ты, верно, об Альтеракском кризисе? — пророкотал бородатый маг. — Но отчего эта затяжная грызня Лордерона со Стромгардом должна волновать нас сильнее возможного возвращения Смертокрыла?

— Оттого, что теперь в их спор вмешался и Гилнеас, а вес в Альянсе он имеет немалый.

И вновь прочие маги слегка встрепонулись — даже безмолвный шестой, а маг, отличавшийся от остальных легкой склонностью к полноте, сделал шаг в сторону эльфа.

— Какой интерес Генну Седогриву ввязываться в свару двух других королевств из-за этого ничтожного клочка земли? Ведь Гилнеас находится на самом кончике южного полуострова, от Альтерака — дальше всех остальных!

— И ты еще спрашиваешь? Возможно, Седогрив и придерживал собственные войска, пока орки не подступили вплотную к его рубежам, но к главенству в Альянсе стремился с самого начала. А Теренаса, короля Лордеронского, побуждал к действию только затем, чтобы ослабить военную мощь Лордерона, и вот результат. Теперь Теренас держится во главе Альянса благодаря разве что нашим стараниям да открытой поддержке адмирала Праудмура.

Соседствующие королевства, Альтерака и Штормград, не ладили между собой с первых же дней войны. Торас Троллебой поддержал Альянс всей военной мощью Штормграда. Для горного королевства, граничащего с Каз Моданом, это был самый разумный ход, да и в стойкости воинов Троллебоя не мог усомниться никто. Если бы не они, орки смяли бы большую часть войск Альянса еще в первые недели войны, что наверняка сулило Альянсу совсем иной, куда более скверный исход.

Альтерака же, напротив, что ни день, распинаясь о мужестве, о святости общего дела, бросать в бой

собственные войска отнюдь не спешил. Подобно Гилнеасу, он ограничивался символической поддержкой, но если Генн Седогрив руководствовался амбициями да эгоизмом, то лорд Перенольд, по слухам, придерживал силы из трусости. Даже в Кирин-Торе с самого начала задались вопросом, не думает ли Перенольд как-либо поладить с Молотом Рока в случае, если Альянс, сокрушенный неумолимым натиском Орды, падет.

Что ж, эти опасения оказались не напрасными и даже сослужили впоследствии добрую службу. В самом деле, союзников Перенольд предал, но, к счастью, подлость его была пресечена на корню. Услышав о ней, Теренас живо ввел в соседнее королевство войска Лордерона и объявил в Альтераке военное положение. В те дни, во время войны, возражать против этого не счел уместным никто, а уж Штормград — особенно. Однако теперь, с наступлением мира, Торас Троллебой заявил, что за принесенные ради общего дела жертвы Штормград по всей справедливости должен получить всю восточную часть земель вероломного соседа.

Теренас видел судьбу Альтерака иной. Он все еще выбирал, раздумывал, не стоит ли присоединить Альтераке к собственному королевству, или лучше возвести на альтерацкий трон нового самодержца... разумеется, во всем поддерживающего Лордерон. Однако Штормград в борьбе с врагом показал себя верным, непоколебимым союзником, а о взаимных симпатиях Тораса Троллебой и Теренаса знал весь мир — это-то и делало их политические разногласия особо прискорбными.

Между тем, Гилнеас, всегда державшийся среди прочих западных государств особняком, подобными узами с кем-либо из конфликтующих сторон связан не был. И Кирин-Тор, и король Теренас прекрасно понимали, что Генн Седогрив решил вмешаться в дело не только ради укрепления собственного престижа, но, вероятно, ради исполнения давних грез об экспансии. Один из племянников лорда Перенольда после измены бежал в Гилнеас, и Седогрив, по слухам, прогнал его в приемники дядюшке. База в Альтераке не только открыла бы Гилнеасу доступ к ресурсам, отсутствующим в южных землях, но и послужила бы прекрасным поводом отправить туда через Великое море свои военные корабли. Что, в свою очередь, вовлекло бы в уравнение и Кул-Тирас: владычество на море эта морская держава оберегала крайне ревниво.

— Да это же расколется Альянс на части, — весьма выразительно проворчала молодая волшебница.

— Ну, до подобных страстей дело еще не дошло, — заметил волшебник-эльф, — но в скором будущем дойти вполне может. Вот потому-то нам сейчас и не до драконов. Если Смертокрыл жив и решил возобновить мщение Алекстразе, я лично препятствовать ему даже не подумаю. Чем меньше в мире драконов, тем лучше. В конце концов, их времена миновали.

— Я слышал, — раздался в покоях новый голос, без каких-либо интонаций, неведомо даже, мужской или женский, — некогда эльфы с драконами были союзниками и даже добрыми друзьями.

Эльф повернулся к последнему из шести магов — худощавому, долговязому, с виду казавшемуся едва ли не призраком.

— Уверяю: все это сказки, не более. Якшаться со столь чудовищными тварями? Нет, до этого мы не унизимся никогда.

Солнце и облака уступили место луне и звездам, и шестой маг слегка поклонился, словно бы признавая за собою вину.

— По-видимому, те, кому я доверился, ввели меня в заблуждение. Прошу прощения.

— Ты прав, — пророкотал бородатый волшебник, обращаясь к пятому. — Все эти политические разногласия необходимо решить миром. Согласен: этим нужно заняться прежде всего. Но и происходящее в Каз Модане мы без внимания оставить не можем! Прав я насчет Смертокрыла, или же ошибаюсь, а пока каз-моданские орки держат королеву драконов в плену, покой страны под угрозой!

— Тогда нам нужно отправить туда наблюдателя, — вмешалась женщина преклонных лет. — Который будет присматривать за происходящим, а тревогу поднимет лишь в случае, если положение станет критическим.

— Да, но кого? Сейчас нам нужны все до единого!

— Один подходящий есть, — возразил шестой маг, плавно шагнув вперед. Лицо его оставалось в тени даже в то время, когда он раскрывал рот. — Вспомните о Ронине.

— О Ронине?! — взорвался бородатый маг. — О Ронине?! После того, последнего провала он даже одежду мага носить недостойн! От него бед куда больше, чем пользы!

— Да, ненадежен он, ненадежен, — согласилась женщина преклонных лет.

— Бродяга, — буркнул маг с легкой склонностью к полноте.

— Сомнителен.

— Преступник!

Подождав, пока все остальные не выскажутся, шестой неторопливо кивнул.

— И единственный умелый волшебник, без которого мы обойдемся в сложившемся положении. Кроме того, его задача — всего лишь разведка. К любому потенциальному кризису он даже близко не подойдет. В обязанности ему будет вменено наблюдать обстановку и докладывать обо всем нам, не более.

Возражений не последовало.

— Уверен, — добавил темный маг, — урок пошел ему впрок.

— Будем надеяться, — проворчала старшая из женщин. — Возможно, с последней задачей он справился, но это стоило жизни большинству его спутников!

— На сей раз пойдет он один, не считая проводника, что доведет его до границы подвластных Альянсу земель. В Каз Модан он шагу не ступит. Зрительный шар позволит ему наблюдать издали.

— С виду — проще простого, — согласилась младшая из дам. — Даже для Ронина.

Эльф резко, отрывисто кивнул.

— Тогда давайте на том и порешим, и оставим, наконец, эту тему. Возможно, если нам повезет, Смертокрыл проглотит Ронина, подавится им и сдохнет, и мы сможем со спокойной душой забыть об обоих навеки. Ну, а сейчас, — добавил он, оглядев остальных, — я вынужден настаивать, чтоб мы, наконец,

сосредоточились на вмешательстве в Альтеракский вопрос Гилнеаса. Как мы с вами можем разрядить обстановку?

Так, опустив голову, сосредоточенно смежив веки, он ждал уже третий час. Покои освещал лишь неяркий свет, струившийся словно бы отовсюду разом, да и глядеть вокруг было особенно не на что. Сбоку стояло кресло, которым он так и не воспользовался, а позади, на стене из толстого камня, висел гобелен с затейливой вышивкой — золотым всепонимающим оком на фиолетовом фоне. Под оком устремлялись вниз, к земле, острия трех кинжалов, также вышитых золотой нитью. Во время войны знамя и символы Даларана гордо реяли среди прочих знамен Альянса, пусть даже не всякий член Кирин-Тора исполнял свой долг с полной отдачей.

— Ронин, — прозвучал словно бы отовсюду и откуда голос, лишенный каких-либо интонаций.

Под густой огненно-рыжей челкой блеснули яркие, изумительно зеленые глаза, устремленные в темноту. Некогда один из соучеников-подмастерьев сломал Ронину нос, а он, при всем своем мастерстве, так и не озаботился его выправить, однако на вид Ронин был вполне симпатичен: крепкий, волевой подбородок, угловатые, резкие черты лица... Постоянно приподнятая бровь придавала ему саркастический, насмешливый вид, не раз навлекавший на Ронина гнев наставников — тем более, что манеры его выражению лица вполне соответствовали.

Высокого роста, стройный, в элегантных полуночно-синих одеждах, он выглядел весьма впечатляюще